

— Какая строгость, — усмехнулся Вэнь Тяньдун, протягивая кувшин Янь Кэ. — В такой холод вино лучше подогреть.

Он покосился на Чжао Сюэханя и добавил, обращаясь к Янь Кэ:

— Сюэхань хмелеет быстро, так что не давай ему лишнего.

Янь Кэ кивнул и забрал кувшин.

Когда Вэнь Тяньдун ушел, Чжао Сюэхань краем глаза заметил, что Янь Кэ собирает хворост. Тот поднял сухую ветку и принялся быстро строгать её, собираясь высечь искрами огонь.

Чжао Сюэхань приподнял бровь. Пользуясь тем, что Янь Кэ отвлекся, он слегка изменил стойку. Короткий взмах деревянного меча — и на самом кончике лезвия промелькнули искры. Сюэхань легким движением стряхнул этот крошечный огонек прямиком в кучу хвороста.

Сухие ветки тут же задымились, и из самой глубины пробился робкий язычок пламени. Янь Кэ замер. Он опустил взгляд на разгорающийся костер, и на его обычно бесстрастном лице отразилось легкое недоумение.

Он вскинул глаза на Чжао Сюэханя. Но тот уже принял безупречную стойку, которую от него требовали, старательно делая вид, будто совершенно ни при чём.

Янь Кэ молча поглядел на него какое-то время, после чего лишь покачал головой с тихим вздохом. Достав железный котелок, он наполнил его водой, устроил над огнем и опустил туда кувшин с вином.

Смеркалось. Небо затянуло хмурыми тучами, скрывшими последнее солнце. Чжао Сюэхань постоял во дворе еще немного, пока не ощутил, как лица коснулась мимолетная прохлада. Он поднял голову — с неба лениво опускались первые снежинки.

Из-за высокой ограды поместья Линей доносился глухой гул оживленной улицы. Время летело незаметно: Собрание Встречи Зимы должно было завершиться уже послезавтра, а за ним наступала настоящая зима.

Вода в котелке заклокотала, и по двору разнесся едва уловимый, сладковатый аромат забродившей сливы. Янь Кэ достал кувшин и наполнил маленькую чарку.

— Снег пошел, заканчивай на сегодня, — негромко произнес он.

Чжао Сюэхань опустил деревянный меч. Переступив с ноги на ногу, чтобы стряхнуть налипший снег, он подошел ближе.

На его лице все еще держалась личина, сотворенная Вэнь Тяньдуном: круглощекий, большеглазый паренек. Кончик носа и щеки у него покраснелись от мороза, придавая облику крайнюю простоту. Янь Кэ прищурился, взгляделся в него, бережно смахнул снежинку, запутавшуюся в ресницах Сюэханя, а затем затушил угли и увел его в дом.

Скинув припорошенную снегом верхнюю одежду, Чжао Сюэхань забрался на постель, прижимая к себе плетеную бамбуковую грелку. Янь Кэ взял кувшин и, наполнив чарку, протянул ему.

Приняв чарку, Чжао Сюэхань сделал осторожный глоток. Видимо, от тепла хмель слегка выветрился, и вкус оказался на удивление мягким, раскрываясь густой сладостью спелой сливы. Приятное тепло разлилось по телу, прогоняя остатки озноба.

Маленькими глотками он быстро осушил чарку. Напиток оставлял сладкое послевкусие, хотя в самом конце на языке проступала едва заметная горчинка.

— Ну как? — спросил Янь Кэ.

— Очень вкусно, — улыбнулся Чжао Сюэхань, согласно кивнув.

Видя, что тому понравилось, Янь Кэ промолчал, но в его глазах промелькнула едва заметная теплая усмешка. Он вновь наполнил пустую чарку.

Сюэхань посмотрел на колеблющуюся в чарке жидкость, а затем поднял взгляд на Янь Кэ.

— Выпей со мной, — он поднес чарку к губам. — Одному пить как-то тоскливо.

Янь Кэ слегка приподнял брови. Но отказываться не стал — достал вторую чарку и налил себе вина.

Он поднял чарку, мягко стукнул её о край чарки Чжао Сюэханя и осушил одним глотком.

Сюэхань хмыкнул и последовал его примеру, лихо опрокинув вино в рот. В ту же секунду горло обожгло острой, терпкой горечью, заставив его закашляться. Янь Кэ тихо фыркнул и мягко похлопал его по спине.

— Горчит оно всё-таки под конец, — пожаловался Сюэхань.

— В вино добавлен реальгар, — пояснил Янь Кэ, наливая ему третью чарку. — Во время Встречи Зимы простой люд всегда добавляет его для защиты от злых духов. Это безвредно.

— Реальгар? — Чжао Сюэхань замер с чаркой у самых губ.

Внезапно в его памяти всплыла полузабытая легенда о змеином демоне, который, выпив реальгарового вина, явил свой истинный облик. Сюэхань невольно с подозрением покосился на Янь Кэ.

— Что такое? — Янь Кэ уловил этот взгляд.

— Да так, ни разу не видел, — усмехнулся Чжао Сюэхань и пригубил вино. — Просто подумал: если ты выпьешь этого вина, с тобой ничего не случится? Вдруг облик изменится?

— Изменится? — Янь Кэ вскинул взор.

— Ну сам подумай. У тебя ведь на шее была страшная рана, — хмель понемногу брал свое, развязывая язык и придавая Сюэханю несвойственную смелость. Он небрежно очертил пальцем линию на собственной шее. — А затянулась она всего за пару часов. Вот мне и пришло в голову: а вдруг ты не человек вовсе? Вдруг ты скрываешь свое истинное обличье?

— Реальгар пагубен лишь для нечисти и оборотней, — ровным голосом отозвался Янь Кэ. — Я не демон, так что на меня он не действует.

Чжао Сюэхань допил чарку и, сощурившись, уставился на собеседника.

— Правда? — глупо улыбнулся он.

Во рту остался тяжелый, горячий привкус хмеля.

Новое тело совершенно не умело пить. Спустя всего три чарки очертания комнаты поплыли, двоясь перед глазами. Потерев веки, он попытался сфокусировать мутный взгляд на сидящем напротив мужчине.

Виски заломило тупой болью. Сюэхань прижал к ним ладони.

Сквозь пьяную пелену пробилась резкая, вяжущая горечь реальгара.словно таран, она сокрушила запертые засовы его памяти, вытаскивая на свет смутный, размытый силуэт. Очертания этой призрачной фигуры дрожали, приближались и медленно сливались с обликом Янь Кэ.

«Кто это? Он...»

Он широко распахнул глаза, не отрывая взгляда от чужого лица. Выпитое вино, добравшись до

нутра, внезапно вспыхнуло нестерпимым жаром, от которого зашлось острой, невыносимой болью само сердце.

Янь Кэ потянулся было к кувшину, чтобы налить четвертую чарку, но пальцы Чжао Сюэханя разжались. Глиняный сосуд выскользнул, скатился по полам одежд и глухо стукнулся о деревянный пол.

Вскинув голову, Янь Кэ ошеломленно замер. Сюэхань смотрел на него в упор — широко раскрытыми, полными слез глазами. Две влажные дорожки прочертили его щеки и сорвались с подбородка на ворот халата.

Потеряв всякое самообладание, Янь Кэ отбросил кувшин. Он шагнул вперед, бережно обхватил лицо Сюэханя ладонями и тыльной стороной пальцев стер горькие слезы.

— Ты пьян? — едва слышно выдохнул он.

Чжао Сюэхань тупо посмотрел на него, кивнул, а затем замотал головой. Он накрыл ладони Янь Кэ своими руками, крепче прижимая его пальцы к своим щекам.

— Хэ... Хэ Янь, — прошептал Сюэхань, всматриваясь в глубину чужих глаз.

Янь Кэ оцепенел. Его руки безвольно застыли.

— Ты Хэ Янь... Нет, не то... — Сюэхань медленно опустил руки и отвел взгляд. Из-под его полуопущенных ресниц сорвалась новая слеза. — Откуда здесь взяться Хэ Яню. Я же ведь умер.

Глаза Янь Кэ расширились. Он резко вскочил. Позабытый кувшин покатился в сторону, разливая по комнате сладкий, дурманящий аромат слив. Вцепившись мертвой хваткой в плечи Чжао Сюэханя, он беззвучно хватал ртом воздух, не в силах вымолвить ни слова. Его губы мелко дрожали.

Чжао Сюэхань молча смотрел сквозь застилавшие глаза слезы. Янь Кэ до боли закусил губу и рванул его к себе, намертво заключая в объятия.

«Это из-за реальгара...» — лихорадочно соображал Янь Кэ.

Реальгар не просто отгонял скверну — он служил сильнейшим противоядием. Щепотка этого порошка в вине сумела потревожить действие отвара Мэн-по, который Сюэхань испил перед смертью.

Неужели он вспомнил?

Разум Янь Кэ превратился в хаос. Он сжимал Чжао Сюэханя в тисках объятий, чувствуя, как тот уткнулся лицом в его плечо. Тело юноши мелко подрагивало, а ткань халата на плече Янь Кэ уже насквозь пропиталась слезами.

— Мне страшно, — донесся до него тихий, приглушенный шепот.

— Всё хорошо, — Янь Кэ ласково погладил его по волосам. — Я здесь. Больше не бойся.

Сюэхань лишь покачал головой.

— Но я ведь умер, — прошептал он. — Просто взял и умер. Оставил его совсем одного. Что же теперь делать... — его голос сорвался на тихий плач. — Что ему делать без меня? Вдруг его кто-нибудь обидит? Какой же я дурак... Зачем я только это натворил? Ведь он просил меня, столько раз просил...

Янь Кэ зажмурился. Пальцы судорожно вцепились в ткань на спине Сюэханя, прижимая его к себе еще ближе, пока губы не коснулись мокрой от слез щеки.

— С ним все в порядке, — глухо проговорил Янь Кэ. — Все хорошо, он жив и невредим.

Чжао Сюэхань продолжал тихо всхлипывать.

— Он точно жалеет, — выдавил он. — Жалеет, что вообще связался со мной.

— Никогда не жалел, — возразил Янь Кэ.

— Правда?.. — Сюэхань глубже зарылся лицом в его плечо.

Дыхание давалось ему с трудом, грудь словно сдавило тяжелой плитой.

В комнате воцарилось долгое молчание.

Чжао Сюэхань крепко сжал его рукав.

— Но я... я жалею, — едва слышно проронил он.

У Янь Кэ оборвалось сердце. Он не поверил своим ушам:

— Что?

— Я жалею, — повторил Чжао Сюэхань. Обжигающие слезы вновь хлынули на плечо Янь Кэ. — Лучше бы мы никогда не встречались.

Янь Кэ оцепенел. На его бледном, застывшем лице проступила глубокая, мучительная боль, но он тут же взял себя в руки. Его пальцы разжались, руки бессильно опустились вдоль тела.

Чжао Сюэхань отстранился. Его заплаканное лицо осунулось, покрасневшие глаза лихорадочно блестели. Он пытливо вглядывался в Янь Кэ, силясь уловить хоть какую-то эмоцию.

Янь Кэ отвернулся и прикрыл веки. Долгое время он хранил молчание, и лишь затем разомкнул губы.

— Почему ты жалеешь? — спросил он.

Сюэхань растерянно моргнул, отвернулся и поспешно стер слезы тыльной стороной ладони.

— Я устал, — он бессильно откинулся на подушки и закрыл глаза. — Устал... Голова раскалывается. Спать хочу.

Янь Кэ медленно поднялся.

Человек на постели, безжалостно бросив эти ранящие слова, мгновенно провалился в глубокое забытие. Он даже не шелохнулся, когда Янь Кэ осторожно коснулся кончиком пальца влажного следа у него на виске.

Бережно натянув одеяло до самого подбородка спящего, он сделал несколько шагов назад. Нагнулся, чтобы поднять опрокинутый кувшин, но пальцы дрогнули. Сосуд выскользнул из рук, со звоном разлетевшись по полу на глиняные осколки.

Он перевел взгляд на постель — Чжао Сюэхань по-прежнему крепко спал, даже не вздрогнув от шума.

Какое-то время Янь Кэ молча всматривался в его безмятежное лицо. Затем спрятал лицо в ладонях, глухо, надрывно вздохнул, и, распахнув дверь, шагнул во тьму заснеженного зимнего двора.